

ФИНАНСЫ, КРЕДИТ, СТРАХОВАНИЕ

А. В. Канаев

ЭВОЛЮЦИЯ КОММЕРЧЕСКОГО КРЕДИТА И ФОРМИРОВАНИЕ КРЕДИТНОГО РЫНКА

В опубликованной ранее статье¹ мы рассмотрели процессы зарождения и эволюции обязательственного права Древнего Рима применительно к институтам, регулирующим кредитные отношения, и выявили древнейшую форму кредитного договора, которой была манципационная сделка *nexit*. Нами также была рассмотрена динамическая модель кредитного обязательства, описывающая его возникновение, исполнение и прекращение (погашение). Данная модель достаточно точно отражает результат длительной эволюции кредитных отношений, благодаря которой обязательство уже к концу классического периода римского права превратилось в имущественную статью, т. е. требование кредитора стало его *активом*, а обязательство должника – *пассивом* последнего. Теперь кредиторы стали обладать имущественными правами по отношению к должникам (право требовать имущественные ценности от должников), а последние – по отношению к кредиторам – имущественными обязанностями. Кредит начал приобретать самостоятельную имущественную форму, обладающую способностью обращения в хозяйственном обороте.

Кредитный кругооборот (цикл). Кредитное обязательство представляет собой юридическую форму кредита как экономического феномена. Из этого закономерно следует вывод о том, что динамизм обязательства должен отражать динамические свойства самого кредита. Последний, как нами было показано в указанной выше статье, имеет обменную природу и неразрывно связан с товарным обращением. Более того, в своем развитом состоянии он приобретает форму, адекватную процессам, происходящим в этой сфере. Действительно, использование современной терминологии финансового менеджмента

Александр Владимирович КАНАЕВ – канд. экон. наук, доцент кафедры теории кредита и финансового менеджмента экономического факультета СПбГУ. В 1978 г. окончил экономический факультет ЛГУ. В 1987 г. защитил кандидатскую диссертацию. Имеет опыт работы в различных научно-исследовательских и высших учебных заведениях Санкт-Петербурга (Ленинграда). Прошел стажировку в иностранных банках в Венгрии, Великобритании и Германии. С 2001 г. работает в Университете. Основные направления научных интересов: теория кредита, денежно-кредитная политика, банковское дело в России и за рубежом, управление коммерческими банками. Автор 25 публикаций, соавтор ряда работ.

© А. В. Канаев, 2008

позволяет определить кредит как динамический экономический процесс (кредитный кругооборот), представляющий собой встречное замещающее (возвратное) движение ценностей (стоимостных эквивалентов), т. е. циклическое преобразование (трансформацию) активов кредитора. Активы отражают в денежном выражении все имеющиеся у него ценности (материальные и нематериальные) и имущественные права. К последним относится объект нашего исследования – договорное право требования денежных средств или других активов от другого хозяйствующего субъекта, т. е. дебиторская задолженность.

Особенностью данной трансформации является ее финансовый характер, который связан с возникшей из договора двукратной замены одного актива другим (*двукратного обмена*). Такой усложненный обменный процесс был назван К. Марксом метаморфозом. Рассматривая движение T_1-D-T_2 , он отмечал: «Процесс обмена товара осуществляется, таким образом, в виде двух противоположных и друг друга дополняющих метаморфозов – превращения товара в деньги и его обратного превращения из денег в товар»². Данные противоположные метаморфозы (превращения) образуют «полный кругооборот одного и того же товара»³.

Описанный процесс циклического преобразования следует отличать от производственной трансформации, которая образует суть процесса переработки материально-вещественных ресурсов предприятия в готовую продукцию. Введением термина «кредитная трансформация активов» мы хотим подчеркнуть факт, что в рамках кредитной сделки кредитор остается не «один на один» с возникшим из его «доверия» риском (и страхом), а приобретает в обмен на переданные ценности актив (право требования), который имеет денежную оценку и является по своему характеру определенной имущественной ценностью, способной к определенному движению (обращению) в хозяйственном обороте. Следовательно, весь цикл, связанный с передачей ценностей и их эквивалентным замещением в будущем, обладает свойствами циклического движения ценностей – представляет собой противоположно направленное двукратное превращение активов кредитора $\Pi_1 \rightarrow T_p \dots T_p \leftarrow \Pi_2$ (Π – некая ценность; T_p – требование денежных средств или другого актива; знаки « \rightarrow » и « \leftarrow » означают соответственно возникновение и прекращение права требования в связи с передачей ценности).

Приведенная формула представляет собой *инструментальную модель кредита*, поскольку она отражает процесс создания и обращения простейшего кредитного инструмента, являющегося кредитным договором, в силу которого одновременно возникает финансовый актив у одного хозяйствующего субъекта (кредитора) и финансовое обязательство – у другого (заемщика). Данная модель отражает динамический характер кредита как циклического движения ценностей (кредитного кругооборота) и позволяет раскрыть его сущность как единства экономического процесса и его правовой формы.

Последовательное развертывание концептуальной системы кредита методом восхождения от абстрактного к конкретному при соблюдении принципа единства исторического и логического предполагает раскрытие эвристического потенциала инструментальной модели кредита $\Pi_1 \rightarrow T_p \dots T_p \leftarrow \Pi_2$. В первую очередь нам следует с помощью этой модели дать характеристику коммерческого кредита, поскольку она представляет собой расширенную версию исходной модели кредитной мены $T_1 \rightarrow \dots \leftarrow T_2$, описывающую разновременное движение разнородных эквивалентов. В условиях развитых товарно-денежных отношений именно такое циклическое движение ценностей характеризует сущность коммерческого кредита.

Коммерческий кредит является одной из базовых форм кредита, которая получила самое широкое распространение в хозяйственной практике начиная со Средневековья. Теоретическая же его судьба выглядит значительно скромнее. В учебной и справочной экономической литературе можно встретить самые разные определения коммерческого кредита. Часто его смешивают с близкими понятиями займа и торгового кредита. И эта тенденция прослеживается как в российских, так и в зарубежных публикациях, где часто вперемешку упоминаются: коммерческий (*commercial*), торговый (*trade, mercantile, sale*), деловой (*business*), или фирменный, кредит и продажа в рассрочку (*installment sales*). При этом сам термин «коммерческий кредит» используется как минимум в четырех значениях: 1) *торговый кредит* (продажа в кредит) – соглашение об отсрочке платежа по приобретаемым товарам или услугам; 2) *краткосрочный банковский кредит* для предпринимателей (отличается от потребительского кредита); 3) *межфирменный кредит*, предоставляемый друг другу производителями, оптовиками, посредниками и розничными торговцами; 4) *посреднический кредит*, предоставляемый торговцами друг другу.

Подобный терминологический «плюрализм» ставит исследователя кредитных отношений перед необходимостью более внимательного изучения данного экономического феномена, раскрытия его сущности. Последнее приобретает особую научную значимость для построения современной теории кредита, поскольку коммерческий кредит является исторически первой формой кредита, которая сохранила свое экономическое значение до настоящего времени. В этой связи следует вспомнить характеристику коммерческого кредита, данную К. Марксом. Некогда она была представлена практически во всех публикациях на кредитную тему и в ведущих энциклопедиях и словарях. Теперь же по неясным для объективного исследователя причинам она благополучно забыта. Как писал К. Маркс, это «кредит, который оказывают друг другу капиталисты, занятые в процессе воспроизводства. Он образует основу кредитной системы (курсив наш. – А. К.). Его представителем является вексель, долговое свидетельство с определенным сроком платежа... Каждый дает кредит одной рукой и получает кредит другой»⁴. Данная характеристика системообразующей роли коммерческого кредита может служить методологическим средством, указывающим направление дальнейшего категориального синтеза в рамках развертывания содержания теории кредита. При этом следует обратить внимание на другую «подсказку», содержащуюся во втором томе «Капитала»: «Заморская торговля, например, Венеции и Генуи, вообще составляет один из источников происхождения самой системы кредита»⁵. Поэтому, как нам представляется, именно история развития торговли должна раскрыть роль коммерческого кредита в формировании кредитного (денежного) рынка и кредитной системы в целом.

Мы не стремимся дать подробное изложение истории становления и развития торговли. Наше исследование связано с экономической историей исключительной логикой развертывания содержания теории кредита. Поэтому мы ограничимся анализом процессов генезиса и эволюции коммерческого кредита и проследим их связь с финансовыми (кредитными) инструментами, ставшими важнейшими инновациями нарождающейся рыночной экономики. Все они выросли на почве развитого римского гражданского права и в конечном итоге радикально преобразили коммерцию и банковское дело.

Средневековая торговля и развитие кредитных отношений

Эволюция коммерческого кредита была вызвана коренными изменениями в практике средневековой торговли, получившими название «торговой революции», охватившей Западную Европу на рубеже раннего Средневековья. Автором этого термина является известный историк средневековой экономики Раймон де Рувер (Raymond de Roover, 1904–1972). В ставшей широко известной работе «Торговая революция XIII века» («The Commercial Revolution of the Thirteenth Century», 1942) он выдвинул концепцию коренного изменения в методах ведения бизнеса и в организации деловых предприятий в раннем Средневековье. Согласно данной концепции, революция была вызвана приходом на смену странствующим купцам (*travelling merchants*), сопровождавшим свои караваны к иноземным рынкам (до середины XIII в.), «сидячих купцов» (*sedentary merchants*), которые вели торговлю напрямую с производителями товаров. Это ознаменовало начало «коммерческого, или торгового, капитализма» (*mercantile or commercial capitalism*). Именно в этот период в Италии стали создаваться крупные торгово-банковские партнерства, произошли серьезные изменения в бухгалтерии, а также появилось вексельное обращение и международные банковские операции.

Невексельные формы коммерческого кредита. Зарождение и развитие коммерческого кредита охватило длительный исторический период. Как нами было показано в опубликованной ранее статье, наиболее простой и исторически первой формой коммерческого кредита была кредитная мена в виде особой разновременной бартерной сделки. Последняя в условиях достаточно развитых товарно-денежных отношений предполагала наличие рыночных цен у товаров, подлежащих обмену. Причиной же достаточно широкого распространения такого бартера всегда была нехватка наличных денег у контрагентов – вечная спутница европейской торговли.

В качестве примера следует назвать широкое использование кредитной мены в торговле купцов северо-западной, западной Руси и Белоруссии с ганзейскими и ливонскими купцами в XIV–XV вв. Стимулом к такой торговле стал, с одной стороны, дефицит благородных металлов, а с другой – необходимость расширения торговли и увеличение доходов русских и немецких купцов. Кредиторами в данной торговле выступали обе стороны. Русские купцы были кредиторами даже чаще иноземных в силу того, что Ганзейский союз несколько раз в XIV–XV вв. вводил запрет на торговлю в кредит с Русью. Однако эти ограничения часто нарушались самими ганзейцами.

Объектами кредитных сделок со стороны новгородских, псковских, смоленских и полоцких купцов были традиционные товары – пушнина, воск и лесоматериалы. Немецкие купцы предлагали для обмена соль, мед, вино, сельдь и зерно. Особенностью многих кредитных сделок было несовпадение мест первоначальной передачи товара и окончательного расчета, вызванное, по мнению исследователей, вводимым запретом со стороны Ганзы. Такие сделки велись вне городов Ганзейского союза и Новгорода. Подобное «отделение мест продажи и расчета свидетельствует о сложности и развитости системы кредита в русско-ганзейских отношениях»⁶.

В это же время (конец XIV в.) на другом конце Европы, в Англии в результате острой нехватки серебра торговля шерстью и одеждой велась также с использованием кредитного бартера. Продажа красителей в кредит с погашением долга готовой одеждой для экспорта достигала 75–80% оборота⁷. И в более поздние времена данная форма коммерческого кредита широко использовалась в торговой практике. Фернан Бродель (*Fernand Braudel*, 1902–1985) дал красочное описание всех перипетий меновой торговли⁸. Он отмечал, что еще в XVIII в. в Неаполе обычным был обмен товаров на товары – натураль-

ный обмен *baratto*, или *barattare*, или *dare a baratto*. Каждую партию товара оценивали в деньгах, а затем их обменивали в соответствии со стоимостью товаров. Практика подобных расчетов даже попала в вышедшую в Риме в 1714 г. «Практическую арифметику» («*Arithmetica Pratica*») Алессандро делле Пурификационе. В ней приводились примеры использования тройного правила (*a regola di tre*) в одном из следующих случаев бартера: при простом натуральном обмене (например, воска на перец); при полунатуральном-полуденежном обмене; при натуральном обмене на срок, «когда назначают дату для окончательного расчета».

Наряду с бартерной формой кредита в этот период начали широко использовать отсрочку платежа и авансирование. Важный материал по данному вопросу содержится в классической работе М. Поста́на (*M. Postan*), посвященной кредиту в средневековой торговле в Англии⁹. В ней автор выделил ряд форм кредита, среди которых к коммерческому кредиту можно отнести следующие:

1. *Продажа с отсрочкой платежа (sale credits)*. Производители одежды в XIII–XIV вв. продавали товар, как правило, экспортеру в кредит.

2. *Получение аванса, или предоплаты (advance payment)*, на срок до 1, 4, 6 или 12 лет. Практиковалось в продаже шерсти ее производителями (монастырями и мирянами).

3. *Смешанное коммерческое кредитование*. Часто использовалось при продаже шерсти как важнейшей статьи английского экспорта. Производители получали аванс, а окончательный расчет происходил по истечении определенного срока после поставки товара (*combined method of payments*).

4. *Иные формы торгового кредита*:

- продажа с отсрочкой определенного товара (например, металла) с последующей покупкой этого же товара за наличные по более низкой цене (*loans by sale*) (часто носила спекулятивный характер или маскировала денежные процентные займы);

- трехсторонние международные сделки подобного типа (*three-cornered sale* – носили еще более скрытый характер по причине того, что часть операций происходила за границей);

- сделка «обратного перевода» (*loan on exchange*); получение денежного кредита с обязательством выплаты долга в другом городе в иностранной валюте по согласованному курсу (часто была выгодной формой финансирования торговли, но иногда рассматривалась как фиктивная сделка (*fictitious exchange*));

- партнерские (морские) товарные кредиты с фиксированным процентом (*societas-like investment or sea loans*) (по внешней форме были инвестиционной операцией, связанной с созданием партнерства, но содержали условие фиксированных выплат пайщикам, что делало их, скорее, вкладами).

С XIII в. значительное развитие получило торговое посредничество, основанное на кредите: а) вино практически всегда покупалось в кредит импортерами (английскими или французскими) во Франции и затем продавалось в кредит оптовикам и розничным торговцам в Англии; б) далее оно продавалось в кредит мелким торговцам и тавернам; часто импортеры создавали партнерства с тавернами с целью участия в прибыли от конечной реализации за наличные. Торговые цепочки могли быть еще длиннее и охватывать торговцев по всей Англии. В торговле шерстью такие цепочки были связаны с обратным процессом – выдачей авансов.

Во всех случаях существовала ярко выраженная многоступенчатость торговли, которая была, по выражению М. Поста́на, «управляющим принципом» (*governing principle*) всех сделок. Кредиты предоставлялись и получались на всех этапах прохождения това-

ра от производителя до потребителя особенно в торговле вином, шерстью, красителями, одеждой, зерном, железом, кожей и т. д. Общий вывод, сделанный М. Постаном, можно сформулировать следующим образом: торговый кредит – это финансовая основа средневековой торговли, он «вездесущ» и представлен большим разнообразием форм.

Деятельность торговых компаний и отдельных купцов, вовлеченных в крупную международную торговлю, характеризует их как универсальных посредников. Последнее означало, что торговля велась по принципу торгового кругооборота: товары привозились и реализовались в одном пункте, а на вырученные деньги закупались товары для реализации в исходном пункте. Часто в таких циклических операциях процветал бартер, могли меняться и пункты возврата. «Тогда обмен, – писал Ф. Бродель, – замыкается на себя, имеется кругооборот. С потоками торговыми дело обстоит так же, как с электрическими токами: они действуют, только будучи замкнуты. Один реймский купец, современник Людовика XIV, выразил это в довольно удачной формуле: “Продажа управляет покупкой”. Он явно считал, что продажа, регулируя покупку, должна ее завершать с выгодой»¹⁰.

Трудности, которые могли возникнуть в столь сложных операциях, очень хорошо одной фразой выразил Ф. Бродель: «Невозможно замкнуть кругооборот – невозможно дело». И далее он продолжал: «Если в тех или иных обстоятельствах торговому кругообороту не удавалось каким угодно способом замкнуться, он, вполне очевидно, был осужден исчезнуть. Частые войны обычно не бывали достаточной к тому причиной, хотя подчас им это и удавалось»¹¹. В целом же как успех функционирования торгово-кредитных цепей и пирамид, возникших в средневековой Англии, так и успех деятельности отдельных крупных посредников определялся надежной работой каждого звена.

Платежный оборот и появление векселей. Торговая революция вызвала потребность в развитии платежного оборота и совершенствовании банковской практики. Этому также способствовали: хроническая нехватка монет; многообразие монетных систем, усложняющее обменные операции; резкие колебания ценности монет, вызванные фальсификацией и износом; трудность, дороговизна и опасность пересылки монет в другие города и страны. Последнее стало причиной того, что исторически первыми возникли так называемые оборотные, или платежные, операции банков (платежное посредничество). Эти операции стали воспроизведением античной практики денежных переводов (трансфертов), которые осуществляли греческие *τραπεζῖται*, римские *numularii*, *mensarii* и *argentarii*. В средневековой Италии переводом денег наряду с их обменом также первоначально занимались менялы (*campsores*), которые позднее стали производить почти все традиционные банковские операции и поэтому получили название банкиров (*bancherii*). В конечном итоге трудности с наличными расчетами привели к появлению общественных (*monti*) и частных расчетных банков в большинстве торговых центров Европы.

Менялам и банкирам передавались на хранение денежные вклады и поручались платежи, которые производились путем списывания определенных сумм в книгах банкиров со счета одних вкладчиков на счета других. Данная практика была признана наилучшим способом, устраняющим все неудобства хранения, перевозки, оценки, пересчета и взвешивания разнообразных монет. Важно было и то, что при проведении платежей через банкиров фиксировались все операции. Это могло служить свидетельством на случай споров и недоразумений между контрагентами. Законами итальянских городов устанавливалось, что перевод по книге банкира, акцептованный кредитором, считается правомерным платежом. В этом также нашло отражение античной кредитной практики –

книги римских аргентариев (*instrumentum argentariae*) и выписки из них часто помогали суду в разрешении имущественных споров, так как за ними признавалась доказательная сила.

Вскоре практика внесения вкладов и использования их для платежей стала общепризнанной. Не только частные лица, но и благотворительные учреждения, монастыри и городские власти стали держать у банкиров свои средства. Что касается формы перевода, то первоначально требовалась личная явка платящего и получающего или их уполномоченных к банкиру. Однако уже очень рано в некоторых итальянских городах переводы совершались на основании письменных поручений (*contadi di Banco*), которыми купцы иноземных городов могли поручать производство переводов. Так, впервые в истории банковского дела частные обязательства банков стали *делимыми и передаваемыми инструментами* (активами) кредиторов. Данные операции являются кредитными по своему характеру, что позволяет рассмотреть наряду с закрытой инструментальной моделью кредита $\Pi_1 \rightarrow T_p \dots T_p \leftarrow \Pi_2$ ее открытую (динамическую) разновидность $\Pi_1 \rightarrow T_p \{ \dots T_p \dots \} T_p \leftarrow \Pi_2$.

Однако подвижность обязательства была ограничена кругом партнеров-вкладчиков одного банка. При этом возможное расширение такого партнерского круга увеличивало срок, в течение которого монеты находились в руках банкиров. Это открывало возможности для расширения кредитных операций, чем не преминули воспользоваться предприимчивые банкиры (*bancherii*). Они восстановили в правах римский договор иррегулярного депозита (*depositum irregulare*), в котором разглядели элементы кредитной сделки. Действительно, договор поклажи (*depositum*) денежной суммы с обязательством вернуть не ту же вещь (*idem*), а ее эквивалент (*tantundem*), встречается у классических юристов Папиниана, Павела и др. Для них этот договор представлял собой разновидность займа. Позднее, в эпоху Юстиниана, его относили к особой сделке хранения, но и здесь допускалось использование вещей хранителем. Так, проценты, установленные не в форме стипуляции, а неформальным соглашением, а также проценты за просрочку могли взыскиваться только при *depositum irregulare*, но не при займе. Банковская трактовка данного договора как кредитного вызвала серьезные возражения со стороны средневековых юристов, что не помешало банкирам применять его повсеместно и существенно расширить свои кредитные операции. В этом им потворствовали городские власти, которые стали главными заемщиками у первого поколения итальянских банкиров. В конечном итоге в ряде стран была принята кредитная трактовка договора поклажи денег.

В какой-то мере это можно считать восстановлением практики античных банкиров, но нужно учитывать, что именно *bancherii* способствовали появлению новой формы кредитных отношений, которая ранее была лишь в зачаточном виде представлена в римском иррегулярном депозите (*depositum irregulare*). Превращение данного договора в монетарный договор хранения (поклажи) привело к появлению денежного вклада до востребования как некоего «кредита без времени»: $D \rightarrow T_p \{ \dots ? \dots \} T_p \leftarrow D$. Этот кредитный инструмент стал *первой фундаментальной финансовой инновацией*, перевернувшей представления о банковской деятельности как о простом платежном посредничестве. Банки разглядели кредит там, где общество их не предполагало. В целом же активное использование монетарного договора хранения именно как кредитного по своему характеру стало поворотным пунктом в развитии банковского дела на многие века вперед. Оно создало феномен «сцепления» кредитного и платежного посредничества, которое стало правовой и экономической основой современного банковского бизнеса.

Однако впоследствии из-за массового разорения первых итальянских торгово-банковских компаний депозитно-переводные и кредитные банковские операции стали разделяться. В Венеции в 1528 г. было даже воспрещено соединять их вместе, что привело к созданию особых банковских институтов, получивших название жиробанков. Эти банки осуществляли безналичные платежи между своими клиентами, в их внутрибанковском *giro*. В XVI–XVII вв. последовательно возникли наиболее известные государственные жиробанки: венецианский Banco della Piazza de Rialto (1584; в 1619 г. переименован в Banko del Giro), амстердамский Amsterdamsche Wisselbank (1609) и гамбургский Wechsel-Banco (1619). Два последних банка ввиду их исключительной специализации на принятии депозитов и проведении операций с ними позднее получили название депозитных. Первоначально уставы жиробанков запрещали предоставлять сданные им на хранение деньги в виде кредитов третьим лицам, но, убедившись в экономической нецелесообразности держать сданные на хранение деньги в бездействии, банки стали нарушать установленный запрет и активно пользовались вкладами для предоставления кредитов государству, муниципалитетам и купцам. Это также имело плачевные результаты – банки неоднократно приостанавливали платежи, и большинство из них, в конце концов, прекратили свое существование.

Второй финансовой инновацией, изменившей облик всей кредитной сферы, а также сделавшей «практически истинной» динамическую инструментальную модель кредита $\Pi_1 \rightarrow T_p \{ \dots T_p \dots \} T_p \leftarrow \Pi_2$, стал вексель (переводной и простой). С момента возникновения вексельного обращения его активными участниками стали банки. Так, итальянские купцы-банкиры уже в начале XIII в. обратились к операциям, связанным с обращением переводных векселей. Последнее, по версии Р. де Рувера, было вызвано негативным отношением католической церкви к взиманию процентов по займам и ростовщичеству. Операции с векселями допускали такой процент в силу их рискованного характера¹². Интересно, что в Англии даже в эпоху Елизаветы термин «банкир» означал специалиста по обменным операциям и был синонимом «менялы» («exchanger»). В английских энциклопедических словарях середины XVIII в. термин «banking» трактовался как «торговля деньгами, которые переводятся (пересылаются) из одного места в другое, посредством корреспондентов банка или с помощью переводных векселей»¹³. Тем самым вплоть до начала XIX в. банковский бизнес ассоциировался в большей мере с куплей-продажей переводных векселей, нежели с иными кредитными операциями.

Простой и переводной вексель

Эволюция векселя первоначально шла в направлении его усовершенствования как платежного средства, но в дальнейшем была уже связана с постепенным превращением векселя в универсальный кредитный инструмент. Последнее стало возможным в силу обменно-кредитной природы самой сделки по *трансграничному переводу денежных средств*. Об этом свидетельствует история происхождения векселя, который возник в ходе торговой революции как одно из ее важнейших завоеваний. Действительно, этимологически термин «вексель» во многих европейских языках (нем. *Wechsel-Brief*; новолат. *cambium*; итал. *lettera di cambio*; франц. *lettre de change*; англ. *bill of exchange*) восходит к обмену.

Спорным, однако, является вопрос о времени и месте зарождения векселя. Согласно современным исследованиям, основные виды кредитных документов зародились на Ближнем Востоке уже в XI в. и были позднее заимствованы Западной Европой через Испанию и Италию. Это нашло отражение и названиях некоторых из документов: чек

(от араб. *сакк*; перс. *шекк*); аваль (от араб. *хавала* – денежный перевод). Широкое распространение в арабских странах получила *суфтаджа* – распоряжение об уплате третьему лицу указанной суммы, сводившая к минимуму сложности и опасности перевозки большого количества наличных денег (вместе с избавлением от уплаты таможенных пошлин)¹⁴. Просрочка выплаты по этому документу влекла за собой начисление пени. За предоставление суфтаджи брались комиссионные. Чеком (*сакк*) назывались долговые расписки, т. е. документы о денежном или товарном вкладе. Чек, выданный известным финансистом, мог использоваться как платежное средство. Все подобные документы носили исключительно личный характер и имели хождение среди узкой группы лиц. Более всего они были распространены в среде еврейского купечества. Однако следует помнить, что сходная техника переводов и платежей существовала и много ранее.

За двадцать веков до нашей эры в Вавилоне среди купцов использовались записки и подобные чекам документы. Установлено, что через местные египетские банки в римскую эпоху осуществлялись денежные переводы из города в город (возможно, эти операции были заимствованы у *τραπεζίται* Греции и Египта эпохи Птолемеев). Видимо, именно эта практика была унаследована купцами Египта. Косвенно это подтверждают найденные документы X в., так называемые *генизы* (*geniza*), обнаруженные в синагоге Старого Каира. Следовательно, в переломном для торговой революции XIII в. (первоначально в Генуе, Флоренции и Венеции) Запад лишь заново открыл переводной вексель как средство для платежа на дальние расстояния, которое с успехом крестовых походов распространилось вдоль всего Средиземного моря.

Кредитная природа переводного векселя проявляется в его происхождении из договора о переводе денег из одной местности в другую (*contractum cambii*), который позднее стал платежным приказом (*litterae cambii*), или письмом. Переводной вексель был исторически первой формой векселя, а основными участниками вексельных сделок первоначально были многочисленные итальянские купцы и *campsores*. По своему содержанию операция по переводу денег не была простой меной (*permutatio*) одной монеты на другую, когда обе монеты налично (*praesentes*) как две валюты (*duae pecuniae*), но иной сделкой – меной (разменом) с переводом (*cambium trajectitium*). При этом одна валюта имеется налично (*pecunia praesens*) и уплачивается на месте, а другая валюта отсутствует (*pecunia absens*) – должна быть получена в будущем и в ином месте, как правило, через плательщика (*solvens*). Особенность сделки состоит в появлении: а) разницы двух мест (*diversitas loci*); б) разницы времени (*diversitas temporis*); в) третьего лица, от которого *pecunia absens* должна быть получена в ином месте и в иное время. Субъектами сделки первоначально были три лица: 1) участие двух – *трассанта* (векселедателя) и *ремитента* (получателя средств) – необходимо для того, чтобы мог состояться договор о размене с переводом (*pactum de cambiando*); 2) участие трассата (плательщика) необходимо для того, чтобы трассант мог исполнить принятое обязательство – уплатить сумму денег в ином месте.

Появляется, как можно убедиться, момент кредита, а с ним и письменная (*scriptura, litterae*) форма. Таким образом, сделка заключается путем оформления определенного письменного документа *litterae cambii (cambium cum scriptura)*. Данная характеристика переводного векселя раскрывает ее экономическое содержание как кредитной трансграничной, или *валютной трансфертной, мены* $\Pi_1(B_1) \rightarrow T_p \uparrow \dots \downarrow T_p \leftarrow \Pi_2(B_2)$ (В – валюта) как важнейшей для торгового оборота Средневековья формы коммерческого кредита.

Вексельная ярмарка как простейший кредитный рынок. Решающее влияние на развитие вексельных отношений оказала ярмарочная торговля, которая способствовала

созданию особого рода ярмарочных векселей и механизма вексельных расчетов. Поэтому эпоха в развитии переводного векселя – это эпоха ярмарок в Шампани (XIII в.), но в особенности в Бургундии (в Лионе) и в Безансоне (XIV–XVI вв.). Шампанские ярмарки были наиболее крупным торговым рынком в Европе в XII–XIV вв. Всего их было шесть, и продолжались они в четырех городах почти без перерыва целый год в таком порядке: в Труа, в Провене, опять в Труа, в Ланьи, в Баре и снова в Провене. Начинаясь этот цикл в июле и кончался в июне.

Векселя ярмарочные (*cambia nundinarum*) получили преобладающее значение над векселями вне ярмарок. Они одни считались нормальными (*cambia regularia*), все прочие оказались случайными, аномальными (*cambia irregularia*): последние или служили для перевода сумм, или прикрывали собой ростовщичество. В таком случае это были *векселя сухие, мертвые, прелюбодейные* (*cambia sicca, mortua, adulterina*); с ними вела неустанную войну католическая церковь. Благодаря ярмаркам изменилась правовая конструкция векселя. Во-первых, на ярмарках появляется *акцент* (согласие трассата уплатить сумму по векселю), правда, в словесной, но торжественно и публично заявленной форме. Во-вторых, вексель позволял владельцу валюты перевести (*remittere*) деньги в пользу своего торгового партнера, который должен был предъявить вексель трассату и получить от него акцепт, а затем и сам платеж. В данном случае партнер выступал в роли предъявителя (*praesentans*) со всеми правами кредитора относительно данного векселя. Таким образом, вексель предполагал взаимодействие четырех лиц: два из них участвуют в его составлении и выдаче векселя из рук в руки, а два других – в его исполнении (акцепте и платеже).

Данные изменения привели к существенному расширению вексельных операций. Оставаясь по-прежнему инструментом для перевода денежных сумм, вексель постепенно начинает служить другим целям. Он все чаще выступает в качестве средства: 1) получения денег взаймы с одновременным переводом их на ярмарку; 2) оформления долга векселем, трассированным с ярмарки на другое место или с другого места на ярмарку; 3) получения наличных денег путем продажи банкиру или другому купцу за наличные векселя, трассированного на своего должника от предыдущей ярмарки.

Изначально по своей организации торговли ярмарки были местами встречи крупных купцов для заключения торговых сделок. Порядок каждой из них предполагал проведение торговли последовательно суконными, кожаными и меховыми товарами, после которой происходило взаимное закрытие счетов. Оно заканчивалось в один из последних дней «платежным» собранием ее участников у столов менял, которые обеспечивали проведение многосторонних расчетов. Так возник особый механизм вексельных расчетов, основу которого образовали две взаимосвязанные вексельные операции:

- *взаимозачет по встречным вексельным платежам* посредством сконтрации (*scontro, virements*) – каждый стремился покрыть свои долги имеющимися активами путем передачи кредиторам подлежащих оплате векселей. Для этого использовалась делегация (*delegatio*);

- *установление вексельных курсов* – то, что оставалось не покрытым путем сконтрации, нужно было уплатить или наличными, или посредством новых векселей, выданных до следующей ярмарки. Оплата такого векселя, как правило, предполагалась на ярмарке, проводимой в другом месте (*in plateas*). Для таких векселей обратно с ярмарки (*cambia de reditu nundinarum*) нужно было определить вексельный курс; его устанавливали к концу ярмарки по известным правилам, сначала существовавшим в виде обычая, а потом занесенным в регламенты ярмарок.

Дальнейшая эволюция крупных ярмарок привела к полному вытеснению товаров и связала их судьбу с кредитными операциями. Так, проводимая четырежды в год ярмарка в Пьяченце (безансонская ярмарка, 1579–1622 гг.) «была местом решающих, но неприметных встреч... Сюда не везли никакого товара, сюда привозили очень мало наличных денег, но зато массу векселей, подлинные знаки всего богатства Европы. Присутствовали примерно шесть десятков людей, большей частью генуэзские “курсовые банкиры” (*banchieri di conto*), несколько миланцев, остальные флорентийцы. Это были члены некоего клуба, куда нельзя было вступить, не уплатив крупный залог (3 тыс. экю). Эти избранные устанавливали *conto*, т. е. обменный курс к окончательным расчетам в конце каждой ярмарки. То был кульминационный момент таких собраний, где присутствовали без разглашения этого купцы-менялы (*cambiatori*) и представители крупных фирм. Всего 200 посвященных, державшихся очень незаметно, которые ворочали огромными суммами, возможно порядка 30–40 млн экю на каждой ярмарке и даже больше»¹⁵.

Однако безансонские ярмарки не были «высшим этажом» торгово-кредитного кругооборота. Им по праву стала непрерывная ярмарка, т. е. биржа. Биржа распространилась в Средиземноморье по меньшей мере с XIV в. – в Пизе, Венеции, Флоренции, Генуе, Валенсии, Барселоне (постройка *Lonja*; была завершена в 1393 г.). В северных странах биржи появились: в Брюгге – в 1409 г., Антверпене – 1460, Лионе – 1462, Тулузе – 1469, Амстердаме – 1530, Лондоне – 1554, Руане – 1556, Гамбурге – 1558, Париже – 1563, Бордо – 1564, Кельне – 1566, Гданьске – 1593, Лейпциге – 1635, Берлине – 1716, Вене – 1771, в Нью-Йорке – в 1772 г.

В Лионе биржа именовалась Площадью обменов (*Place des Changes*), в ганзейских городах – Купеческой коллегией, в Марселе – Ложей, в Барселоне, как и в Валенсии, – Лонхой (*Lonja*). Она не всегда имела собственное здание, из-за чего произошло смешение названия места торговли и самого института биржи. В Севилье сбор купцов происходил каждый день на *gradas* (ступенях кафедрального собора), в Лиссабоне – на Новой улице (*Rua Nova*) как самой широкой и самой длинной в городе, в Венеции – в галереях Риальто и в Лоджии купцов (*Loggia dei Mercanti*), построенной на этой площади в 1459 г., во Флоренции – на Новом рынке (*Mercato Nuovo*), в Генуе – на Банковской площади (*Piazza dei Banchi*).

Индоссамент. Результатом столь радикального изменения ярмарочной торговли и активизации биржевых операций стало превращение векселя в важнейший финансовый инструмент, оформляющий переводные, кредитные и инвестиционные операции, и придание ему свойства передаваемости до наступления платежа. Такая передача начинает совершаться в форме индоссамента, который явился уже в начале XVII в. Тем самым вексель обрел новую для себя роль – служить орудием платежей, связанных с покупкой товаров в кредит. Дальнейшее развитие вексель получил в Германии в XVIII–XIX вв. Здесь из всех особенностей векселя значение придавалось лишь тому, что это письменно удостоверяемое денежное обязательство, которое по содержанию почти совпадает с имеющим широкое хождение заемным письмом и отличается от него только своим названием. В эти годы вексель становится орудием кредита, чисто формальным долговым документом, специфика которого состоит в его наименовании векселем. Данная специфика определяется тем, что к такому обязательству возможно применение всех юридических средств развитого вексельного права (например, скорость и простота взыскания). Как следствие, юридическая и деловая практика пришли к полному признанию института простого векселя. Теперь он становится одним, а переводной вексель (тратта) –

другим из двух видов векселя. Воззрение на вексель в Германии совершенно изменило его экономическую функцию: он утрачивает непосредственную связь с торговлей и становится доступным для любой пары заемщика и кредитора; вексель превращается в ценную бумагу, обращающуюся на рынке наравне с другими.

С обращением простых векселей как абстрактных денежных обязательств связано появление феномена секьюритизации кредита. *Секьюритизация (securitization)* в широком смысле означает процесс повышения роли различных видов долговых ценных бумаг в кредитной практике по сравнению с традиционными денежными кредитами, оформленными в виде кредитного договора (контракта). Иногда такое широкое толкование процесса вытеснения обычных форм кредитов ценными бумагами обозначают термином «первичная секьюритизация» (*primary securitization*).

Первичная секьюритизация стала важным фактором формирования двух кредитных рынков – денежного и рынка капитала. Последний возник во многом благодаря усилиям банкиров. Первыми долгосрочными обращаемыми долговыми бумагами были: облигации государственного займа в Венеции и во Флоренции (ранее 1328 г.); паи *luogo* (они были именные, но могли передаваться посредством переписки по счетам, открытым в книгах товарищества) и платежные обязательства *moneta di paghi* (дивидендные купоны, посредством которых акционеры могли передавать другим лицам причитающиеся им части дивиденда) генуэзского банка Casa di San Giorgio (с 1586 г.), основанные на займах испанской короне; испанские государственные ренты *juros*; французские ренты на Ратушу (с 1522 г.); ренты ганзейских городов (начиная с XV в.). В большинстве случаев эти ценные бумаги обращались на рынке и могли использоваться в качестве платежного средства. Так, испанский король Филипп II и его преемники расплачивались с деловыми людьми собственными рентами *juros* по номиналу, а французы могли расплачиваться рентами на Ратушу.

Таким образом, в процессе исторического развития кредитный договор, фиксирующий и регламентирующий отношения кредитора и заемщика, становится в один ряд с другими различными по содержанию и виду формами документарного оформления кредитных отношений. При этом все они имеют не только явное сходство – форму определенного письменного документа, но и общую основу, так как в них фиксируют обязательство заемщика и, соответственно, право требования кредитора к должнику о возврате денежного долга. Такое документально оформленное долговое обязательство получило название *долгового, или кредитного, инструмента*. Термином «инструмент» в данном случае обозначается любой письменный документ, который дает формальное выражение юридическому соглашению или акту. Этот термин пришел из права, в котором принято рассматривать те или иные документы или ценные бумаги как инструменты оформления каких-либо отношений, в основном обязательственных.

Учет векселей (дисконт). Усложнение форм коммерческого кредитования и расширение масштабов вексельных операций форм привели к расширению круга участников кредитных сделок. Кроме купцов ими могли стать любые обладатели денежных средств, т. е. индивидуальные и коллективные инвесторы. Векселя стали объектом биржевых и внебиржевых учетных операций. Учет векселей состоит в том, что векселедержатель передает (продает) векселя покупателю по индоссаменту до наступления срока платежа и получает за это вексельную сумму за вычетом определенного процента от этой суммы в качестве платы за досрочное получение средств. Этот процент называется *учетным процентом, или дисконтом*. Термином «дисконт» также обозначается сам учет векселей (учетная операция).

Принципиальный момент, связанный с распространением простого векселя, выражается в изменении формы процента. Теперь вместо процента как определенной добавочной суммы в виде доли от суммы кредита процент принимает обратный вид скидки, т. е. рассчитывается как сумма, подлежащая вычету из суммы кредита. Расчет суммы дисконта производится покупателем на основании установленной соглашением сторон процентной ставки по учету векселей (учетной ставки). В этих операциях процент принимает форму доходности от приобретения определенного инструмента или инвестирования денежных средств. Тем самым процент становится уже чисто рыночным феноменом – важнейшим инструментом кредитного рынка.

Важно помнить, что учетные операции стали основой кредитной деятельности большинства банков и превратили их из платежных посредников в кредитные. «В XVIII в., – отмечал Ф. Бродель, – именно в пределах четырехугольника Амстердам–Лондон–Париж–Женева восстановится на высшем уровне торговой деятельности эффективное главенство банков. Чудо произошло в Амстердаме. Разнообразные кредитные документы занимали там огромное, необычное место. Все передвижение товаров в Европе как бы дистанционно управлялось, “буксировалось” оживленными операциями кредита и учета векселей»¹⁶.

Широкое распространение учетных операций в Европе привело к возникновению феномена официальной учетной ставки центрального банка. Данная ставка, будучи единой ставкой для всей страны, распространяется на все векселя, обращающиеся на рынке, которые можно считать «банкопригодными». Центральные банки могут определять учетную ставку по различным по качеству векселям. С конца XIX в. французский центральный и российский государственный банки учитывали лишь векселя с тремя подписями, которые они считали надежными (т. е. с двумя индоссаменентами), хотя по уставу российский банк мог учитывать векселя и с двумя подписями. Поэтому учетная операция банка является в точном понимании переучетной.

Такая единая учетная ставка служит важным инструментом государственного регулирования финансового рынка и оказывает существенное влияние на динамику экономического цикла. Важно при этом помнить, что ее происхождение связано именно с кредитно-вексельными операциями. Развитие последних привело к еще одному важному макроэкономическому феномену. Мы имеем в виду появление в различных странах курсов национальных валют, определение которых непосредственно основывалось на вексельных операциях. Действительно, уже начиная с середины XIX в. международные расчеты обслуживались не золотой или серебряной монетой, а выраженными в иностранной валюте векселями, чеками и платежными поручениями. Поскольку наибольшее распространение получило вексельное обращение, валютный курс устанавливался по преимуществу в форме *вексельного*. Первоначально это были коммерческие векселя, которые импортеры покупали у экспортеров по определенному курсу к национальной валюте для расчетов с иностранными продавцами. Однако они имели ряд недостатков, связанных с несовпадением сумм и сроков задолженности у импортеров и векселедателей. Поэтому с развитием торговли стали все шире использовать банковские тратты, выставляемые ими на своих иностранных корреспондентов. Теперь импортеру было гораздо проще купить такой вексель и отправить его продавцу для предъявления в банк-трассат.

Общая характеристика коммерческого кредита. Проведенный анализ эволюции коммерческого кредита дает, как нам представляется, достаточное количество аргумен-

тов для вывода о системообразующей роли этого экономического феномена. Действительно, по мере своего развития коммерческий кредит проникает во все звенья и охватывает все этапы внутренней и международной торговли. Он служит основой формирования особого кредитно-расчетного механизма торговых сделок и развития деятельности банков, долгие годы носящих название коммерческих и учетных или торговых. Кроме того, коммерческий кредит:

1) образует финансовую базу для торговли, способствует ее существенному расширению (мультипликации); в ряде случаев позволяет вести даже крупную торговлю без денег;

2) носит массовый, взаимный и прямой характер; обслуживает обращение товаров и капитала;

3) является основой выпуска и обращения кредитных инструментов – создает условия для формирования вексельного (денежного) рынка и рынка капитала; является важнейшим фактором институциональной эволюции кредитной системы – формирования локальных и международных ярмарок и бирж, создания клиринговых палат для расчета чеками;

4) способствует внедрению финансовых инноваций и выступает основой для появления кредитных платежных средств (чеков) и бумажных денег (банкнот);

5) имеет многообразные формы проявления и служит основой формирования и развития сложной системы кредитных отношений;

6) переплетается с другими обязательствами – является дополнительным условием (аксессуарным обязательством) многих контрактов: купли-продажи товаров с предварительной их оплатой покупателем (ст. 487 ГК), с оплатой проданного товара в кредит (ст. 488 ГК) или в рассрочку (ст. 489 ГК).

Коммерческий кредит был важнейшим фактором развертывания «торговой революции», охватившей Западную Европу на рубеже раннего Средневековья. Позднее промышленная и транспортная революции привели к развитию сберегательного, ипотечного, инвестиционного и коммерческого банковского дела, появлению центральных эмиссионных банков и формированию банковских систем с частичным резервированием. Постепенно стала доминировать денежная форма кредита и банковские кредиты в форме собственных обязательств (депозитов до востребования). Это не привело к исчезновению разнообразных форм коммерческого кредита. Они продолжают «верно служить» экономике, переместившись с передовых мест в основание кредитной системы.

¹ *Канаев А. В.* 1) Историческое и логическое в теории кредита: эволюция кредитного обязательства и его динамическая модель // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 5: Экономика. 2007. Вып. 1. С. 21–33; 2) Кредитные обязательства в системе римского частного права // Финансы и кредит. 2007. № 13. С. 70–80.

² *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1975. Т. 23. С. 115.

³ Там же. С. 122.

⁴ Там же. Т. 25. Ч. 2. С. 21.

⁵ Там же. Т. 24. С. 284.

⁶ *Хорошкевич А. Л.* Кредит в русской внутренней и русско-ганзейской торговле XIV–XV веков // История СССР. 1977. № 2. С. 137.

⁷ *Nightingale P.* Monetary contraction and mercantile credit in later medieval England // Economic History Review. 1990. Vol. XLIII. N 4. P. 560–575.

⁸ *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв.: В 3 т. М., 1987–1992. Т. 2: Игры обмена. М., 1988. С. 126–155.

⁹ *Postan M.* Credit in Medieval Trade // *The Economic History Review*. 1928. Vol. 1. N 2. P. 234–261.

¹⁰ *Бродель Ф.* Указ. соч. Т. 2: Игры обмена. С. 127.

¹¹ Там же. С. 131.

¹² Цит. по.: *Blomquist T. W.* De Roover on Business, Banking, and Economic Thought // *The Journal of Economic History*. 1975. Vol. 35. N 4. P. 821–830.

¹³ *Roover R. de.* What is Dry Exchange? A Contribution to the Study of English Mercantilism // *The Journal of Political Economy*. 1944. Vol. 52. N 3. P. 251.

¹⁴ *Большаков О. Г.* Средневековый город Ближнего Востока. VII – середина XIII в.: Социально-экономические отношения. М., 2001. С. 265.

¹⁵ *Бродель Ф.* Указ. соч. Т. 2. С. 78.

¹⁶ Там же. С. 392.

Статья поступила в редакцию 28 февраля 2008 г.